

Гранд Чероки и чужая касса

Андрей Интереснов

Андрей Интереснов

Гранд Чероки и чужая касса

«Автор»

2026

Интереснов А. А.

Гранд Чероки и чужая касса / А. А. Интереснов — «Автор»,
2026

Четверо московских парней — Дрон, Бес, Фунт и Репа — летом 1993 года едут в Ростов-на-Дону по “схеме” купить иномарку. Ночёвка в придорожном отеле превращается в кошмар: местные пытаются отжать их машину, а вечерняя разборка за заправку заканчивается перестрелкой и пожаром. В хаосе ребята угоняют чёрный Grand Cherokee и находят в багажнике две сумки с пачками долларов. Чтобы выжить, они передают деньги знакомым “барыгам” и уезжают домой, надеясь, что всё осталось на трассе. Но хвост тянется в Москву: вопросы, слежка, авторынок и люди из Ростова заставляют их снова выбирать — молчать, бежать или влезть глубже. Параллельно на другом конце страны, во Владивостоке, начинается перегон “японки”, купленной на чужих долларах, и каждый километр превращается в проверку на прочность. Это криминальная драма о 90-х, где одна поездка за мечтой становится точкой невозврата, а цена “лёгких денег” измеряется не рублями, а дружбой, страхом и умением вовремя замолчать.

© Интереснов А. А., 2026

© Автор, 2026

Андрей Интереснов

Гранд Чероки и чужая касса

Четверо московских молодых парней – Дрон, Бес, Фунт и Репа – летом 1993 года едут в Ростов-на-Дону по “схеме” купить иномарку. Ночёвка в придорожном отеле превращается в кошмар: местные пытаются отжать их машину, а вечерняя разборка за заправку заканчивается перестрелкой и пожаром. В хаосе ребята угоняют чёрный Grand Cherokee и находят в багажнике две сумки с пачками долларов.

Чтобы выжить, они передают деньги знакомым “барыгам” и уезжают домой, надеясь, что всё осталось на трассе. Но хвост тянется в Москву: вопросы, слежка, авторынок и люди из Ростова заставляют их снова выбирать – молчать, бежать или влезть глубже. Параллельно на другом конце страны, во Владивостоке, начинается перегон “японки”, купленной на чужих долларах, и каждый километр превращается в проверку на прочность.

Это криминальная драма о 90-х, где одна поездка за мечтой становится точкой невозврата, а цена “лёгких денег” измеряется не рублями, а дружбой, страхом и умением вовремя замолчать.

Оглавление

Трасса

Сервис

Заправка

Огонь ближе

Чёрный джип

Барыги

Поезд

Москва

Хвост

Рынок

Разговор

Звонок

Размен

Сутки

Закрывать вопрос

Долг

Владивосток

Перегон

Подарок с хвостом

Тихо

Глава 1. Трасса

Москва в 90-е не отпускала легко.

Двор стоял выцветший от пыли и времени: облупленные стены, ржавые гаражи, сетка-рабица, которую латали проволокой. У подъезда – лавка, на ней двое спорили про цены и про то, что “в Союзе такого не было”. У “комка” мужик в кожанке продавал сигареты поштучно и жвачку “Турбо”, рядом пахло пивом и горячим асфальтом.

Слова “купить иномарку” звучали как взрослая мечта и как риск одновременно. Вчера ты студент, сегодня уже должен понимать, где тебя ждут, а где разденут – и сделают вид, что так и было.

Андрей по кличке Дрон вышел первым. Не потому что самый старший – просто у него всегда получалось идти впереди. В руках – пакет с едой на дорогу: хлеб, банка тушёнки, варёные яйца, чай в термосе. Никаких иллюзий: на трассе в 90-е “кафе” могли кормить чем угодно, а деньги уходили быстрее, чем километры.

У ВАЗ-21099 уже крутился Фунт. Александр получил кличку не за вес – за привычку всё считать: пачки купюр, литры бензина, сколько осталось до темноты. Он наклонился к переднему колесу, провёл ладонью по боковине, будто мог по резине понять, выдержит ли дорога до Ростова и обратно.

– Давление норм, – сказал он, выпрямляясь. – Но обратно всё равно смотреть будем. Если на этой поедем.

– Обратно мы уже на иномарке поедем, – отозвался Бес.

Алексей появился так, как появляется человек, который заранее уверен: всё будет по его. Короткая куртка, сигарета, быстрый шаг. Он и улыбался так, будто в мире нет причин для сомнений.

– Если не кинут, – буркнул Репа.

Иван, чья кличка звучала смешно, смеяться не любил. Он был из тех, кто замечает мелочи: кто сколько раз посмотрел, кто задержался рядом, кто слишком быстро отвернулся. Он таскал с собой спортивную сумку, где лежали биты, ножи и кое-какой инструмент – не чтобы геройствовать, а чтобы не быть пустым. В 90-е пустым быть опасно.

Дрон открыл багажник, уложил еду и пару пакетов, проверил, чтобы ничего не торчало на виду.

– Всё. Едем. Не тянем.

Фунт достал из кармана свёрток и машинально пересчитал купюры на ощупь, не вынимая. Деньги были общие: каждый вложил свою долю. Это не просто сумма – это месяцы экономии и подработок, когда “пожрать” и “проезд” выбирали по очереди.

– По схеме всё нормально, – сказал Дрон. – У Серого там люди. В Ростове встретимся, дальше – как договорено. Без самостоятельности.

– А если начнётся? – спросил Репа.

Бес фыркнул:

– Не начнётся. Кто с четырьмя москвичами связываться будет?

Дрон промолчал. Он не любил такие фразы. “Москвич” в 90-е мог означать две вещи: либо ты действительно “при делах”, либо у тебя просто наглость. Проверяли быстро.

Они выкатились со двора и пошли по городу через утренние пробки и перекрёстки, где “шестёрки” и “восьмёрки” цеплялись бамперами, а люди ругались так, будто это их последняя справедливость. За МКАДом Москва закончилась резко. Трасса пошла серой лентой, и сразу стало легче: меньше глаз, меньше разговоров, больше дороги.

Лето быстро брало своё. К полудню салон нагрелся так, что пластик пахнул дешёвой химией, а руль стал тёплым, как кружка. Окна открыли, и в машину пошла пыль – тонкая, дорожная, липкая. По обочинам тянулись шиномонтажи, палатки с арбузами, плакаты “КУПЛЮ ВАЛЮТУ”, “РАСТАМОЖКА”, “ПЕРЕГОН”. Редкие иномарки на трассе выглядели как сигнал: у кого-то есть деньги, значит у кого-то есть и желание их отобрать.

Дрон держал скорость ровно, не лез в левый ряд без нужды. “Девяносто девятая” была обычной, не вызывающей. На таких ездили все – от студентов до тех, кто вчера ещё стоял у станка, а сегодня торговал запчастями на рынке.

Ближе к вечеру их остановили. ГАИшник в потёртой форме стоял у придорожного кафе и махнул жезлом. Рядом в тени курили двое таких же – лениво, без формы, но с одинаковым взглядом.

– Документы, – сказал инспектор без эмоций.

Дрон протянул права и техпаспорт. Фунт замолчал так, будто от тишины зависела сумма. Репа прижал сумку ногой – чисто рефлекс. Бес откинулся назад и демонстративно смотрел мимо.

– Куда? – спросил гаишник.

– В Ростов, – спокойно ответил Дрон. – По делам.

Инспектор пролистал бумажки, посмотрел в салон, задержал взгляд на лицах ровно настолько, чтобы все это почувствовали. Потом вернул документы.

– Езжайте.

Когда тронулись, Бес усмехнулся:

– Видал? Нормально.

Фунт сухо ответил:

– Нормально – это когда вообще не останавливают.

Дорога дальше стала пустее. Радио ловило то новости, то музыку, то шипение. Новости звучали одинаково: кто-то делит власть, кто-то обещает порядок, кто-то говорит про “трудный период”. Всё это было далеко, но ощущалось рядом – как фон, который нельзя выключить.

К вечеру Дрон свернул к придорожному отелю. Это было не место, куда едут отдыхать – туда заезжали переночевать и не потерять своё. Двухэтажное здание, вывеска на одной лампе, окна мутные от пыли. Через дорогу – заправка. Рядом – ворота автосервиса, за которыми темнел двор с наваленными колёсами и железом.

– Норм, – сказал Дрон. – Под окнами поставим. Чтоб видно было.

Он припарковал “девяносто девятую” так, чтобы она стояла почти под самым их окном – на расстоянии, где ночью различишь силуэт, а утром – любые движения. Привычка бедных: держать своё имущество на глазах.

Внутри отеля пахло жареным маслом, табаком и старым линолеумом. На ресепшене сидела женщина с усталым лицом и без интереса спросила:

– Сколько мест?

– Четыре, – сказал Дрон.

Она дала ключ от комнаты, не спросив фамилий. В 90-е документы требовали там, где собирались тебя “вести”, а не там, где сдавали койку на ночь.

Комната была тесная: две кровати, раскладушка, стол, облупленные стены. Фунт первым делом проверил свёрток с деньгами. Дрон поставил еду на стол. Бес открыл окно, чтобы покурить, и выглянул вниз.

– Стоит, – сказал он. – Как солдат.

Репа тоже подошёл к окну и посмотрел на машину. Она стояла под окнами – обычная, своя. Перед воротами чужого сервиса.

– Главное, чтоб утром тоже стояла, – тихо сказал он.

Дрон посмотрел на него, потом на остальных.

– Утром пораньше. Не спим. И без понтов.

Ночь была рваной: хлопали двери, кто-то смеялся, кто-то ругался. На улице время от времени проходили машины – вспышки фар скользили по потолку. Комары зудели так, будто тоже были частью придорожного бизнеса. Дрон несколько раз просыпался и смотрел вниз – проверял силуэт “девяносто девятой”. Она стояла, и от этого становилось чуть легче, но сон всё равно не держался.

Под утро стало тихо. Такая тишина бывает перед жарой – когда воздух ещё не поднялся, но уже густой.

Дрон поднялся первым. Подошёл к окну и посмотрел вниз.
И секунду просто не понял, что видит.

Под окнами было пусто.

Он быстро осмотрел двор глазами, будто машина могла стоять рядом, чуть дальше. Но там была только пыльная площадка и следы шин, уходящие к воротам автосервиса.

– Вставайте, – сказал он уже другим голосом.

Фунт поднялся сразу, как будто вообще не спал. Репа сел на кровати с лицом человека, который ожидал это ещё вчера. Бес подошёл к окну, молча посмотрел вниз и резко рванул дверь.

– Где тачка? – спросил он, хотя вопрос был пустой.

Дрон накинул куртку и пошёл к выходу. Он ещё не знал, что именно началось, но знал точно: в 90-е “просто так” ничего не исчезало. Особенно если ты в чужом месте, с деньгами и мечтой об иномарке.

И где-то за воротами автосервиса уже лежал ответ.

Глава 2. Сервис

У ворот автосервиса висела цепь, на цепи – замок. Настоящий, тяжёлый. За воротами – двор, заставленный шинами, дисками, старым железом и бочками. Всё было покрыто дорожной пылью, которая летом въедается в металл, в бетон и в горло. Пахло маслом, бензином и разогретой резиной.

Дрон дёрнул калитку – без толку.

– Спят, что ли? – бросил Бес и ударил ладонью по железу, громко, зло.

Звук прошёл по двору глухо, как по пустому гаражу.

Фунт стоял рядом и смотрел на ворота так, будто прикидывал, сколько времени нужно, чтобы их снять. Репа держался чуть позади. Его сумка висела на плече, ремень он держал рукой, как будто боялся, что её выдернут рывком.

– Давайте сначала спокойно, – сказал Дрон, но голос у него был уже не спокойный.

Они обошли ворота и вернулись к отелю. Администраторша на ресепшене не удивилась, когда они снова ввалились внутрь – будто это было обычное утро.

– Машина где? – спросил Дрон.

Женщина подняла глаза.

– Какая машина?

– ВАЗ. Девяносто девятая. Под окнами стояла.

– Может, уехали, – сказала она без выражения.

Бес шагнул ближе.

– Ты меня за дурака держишь?

Администраторша чуть откинулась на стуле, но голос не повысила:

– Я за машины не отвечаю. Тут стоянки нет. Кто хочет – тот и отвечает.

В 90-е так говорили люди, которые давно привыкли: лучше быть “ни при чём”, чем “при чём”.

Дрон пару секунд смотрел на неё, потом кивнул и повернулся к выходу.

– Ладно.

На улице было ещё относительно прохладно, но солнце уже поднималось быстро – обещало жаркий день. Асфальт отдавал вчерашним теплом, а пыль под ногами поднималась от каждого шага.

– Она не могла сама уехать, – сказал Репа. – Значит, кто-то взял.

– Кто взял – тот и вернёт, – ответил Бес. – Пошли.

Слева от ворот сервиса была боковая дверь. Обычная, металлическая, с облупленной краской. Бес стукнул по ней кулаком.

– Эй! Откройте!

Пауза. Потом внутри послышались шаги. Дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы показалось лицо – молодой, лет двадцати двух, щетина, взгляд ещё сонный, но уже наглый.

– Чё надо? – спросил он.

Дрон шагнул вперёд.

– Наша машина стояла у отеля. Сейчас её нет. Где она?

Парень усмехнулся, даже не пытаясь скрыть.

– Мешала. Ворота закрывать надо. Взяли, оттащили.

– Куда оттащили? – уточнил Дрон.

– В сервис. Туда, куда мешает, туда и отгаскивают.

Бес выдохнул через нос.

– Ты чё, сам придумал?

Парень пожал плечами:

– Тут так. Чё вы кипишуете?

Фунт вмешался спокойно:

– Ключи где? Отдай – и разошлись.

Парень улыбнулся шире.

– Ключи? Ключей нет. Хозяин придёт – разберёмся.

– Какой хозяин? – спросил Дрон.

– Наш. Сервиса.

И было понятно: “наш” – это не про бумаги.

– Открой ворота, – сказал Дрон. – Мы забираем машину и уезжаем.

Парень прищурился:

– Не, так не пойдёт.

– Почему?

– Потому что вы тут на ночь встали, как у себя дома. А это территория. Понял?

Бес резко засмеялся – без радости.

– Территория... Ты слышь, “территория”, мы из Москвы. У нас там тоже территория. И связи есть.

Слово “связи” в 90-е было как спичка: иногда отпугивало, чаще – поджигало.

Парень посмотрел на Беса, и в глазах у него проснулась злость.

– Москва... – протянул он. – Тут не Москва.

Дрон хотел сгладить, но Бес уже шёл дальше:

– Ты сейчас ключи отдаёшь – и всё. Или ты хочешь проблемы?

Парень молча закрыл дверь перед их лицами. Щелчок замка прозвучал коротко и отчётливо.

Несколько секунд они стояли, слушая, как внутри снова затихает.

– Всё, – сказал Бес. – Сейчас по-другому поговорим.

Он рванул к воротам и ударил по металлу ногой.

– Эй! Выходи!

Фунт посмотрел на Дрона:

– Мы зря это начали. “Связи” – лишнее.

– Поздно, – ответил Дрон.

Через минуту к воротам подошли уже двое – оба молодые, оба в тёмных куртках. Один в кепке, второй с короткой стрижкой. Они держались так, будто всё вокруг их и всегда было их.

– Чё орёте? – спросил тот, что в кепке.

– Машину возвращайте, – сказал Дрон. – Сейчас.

– Машина внутри, – спокойно ответил второй. – У нас порядок. Хозяин будет – разберёмся.

– Мы сейчас уедем, – сказал Дрон. – Нам дальше надо.

Парень в кепке усмехнулся:

– А нам чё? Нам всё равно.

Бес шагнул вперёд:

– Слушай, ты мне тут не играй. Я сказал – возвращай.

Кепка посмотрел на Беса внимательно.

– Ты, короче, поменьше гавкай.

Репа, который до этого молчал, тихо сказал:

– Парни, мы без наездов. Отдайте – и всё. Мы заплатим, если надо.

Второй парень наклонил голову:

– Заплатите? А сколько?

Фунт, не моргнув:

– Сколько скажете – в пределах нормального.

– Нормального? – усмехнулся кепка. – Нормальное – это вы сюда вообще не встаёте.

Он отвернулся и махнул рукой куда-то вглубь двора.

– Ша старшие подойдут. С ними и поговорите. А то вы тут... московские.

Слово “старшие” легло тяжело. Это уже не молодёжный базар. Это уровень, где решения принимаются быстро и без лишних объяснений.

Дрон увидел, как напрягся Фунт, как Репа перестал моргать, как Бес, наоборот, расправился, будто его это слово только раззадорило.

– Да пусть подходят, – сказал Бес. – Я посмотрю, какие тут старшие.

Фунт резко повернул голову:

– Бес, заткнись.

Бес не ответил, но глаза у него горели.

Прошло минут десять. Ожидание было хуже драки: когда тебя уже взяли в оборот, просто ещё не сказали цену выхода.

Со стороны отеля подъехала тонированная “девятка” с глухим выхлопом. Вышли двое постарше – лет тридцати. Один в кожанке, второй в лёгком пальто. Двигались неторопливо. Такие не бегали.

Кожанка подошёл ближе и посмотрел на четверых так, будто оценивает, что из них можно выжать.

– Вы чё тут? – спросил он.

Дрон шагнул вперёд:

– Машина наша. Ночью стояла у отеля. Утром её нет. Сказали, что загнали в сервис. Мы хотим забрать и уехать.

Кожанка кивнул, будто выслушал, и сразу спросил:

– А вы кто?

– Из Москвы.

– Москва, – протянул кожанка и улыбнулся. – И что?

Бес, как назло, полез:

– И то. Мы не местные. У нас связи есть. Ты не туда полез.

Фунт бросил на него взгляд, но уже было поздно.

Кожанка посмотрел на Беса долго. Потом спросил ровно:

– Связи? Какие?

Бес открыл рот, но Дрон перебил:

– Неважно. Мы приехали по делу. Не хотим конфликта. Просто отдайте машину.

Тот, что в пальто, сказал спокойно:

– Машина мешала. Её убрали. Теперь вы хотите, чтобы вам её отдали. Так?

– Так, – ответил Дрон.

– Значит, надо решать вопрос, – сказал пальто. – Вопрос стоит денег.

Фунт взял инициативу:

– Мы заплатим за то, что её переставили. Но без глупостей.

Кожанка усмехнулся:

– Без глупостей... Ты мне условия ставишь?

И Дрон понял: схема. Не обязательно расписанная заранее – но рабочая. Сначала тебя делают виноватым: “мешал”. Потом ставят ценник. Потом проверяют, как ты держишься. Скажешь “связи” – ценник станет выше, а уважения не прибавится.

– Сколько? – спросил Дрон.

Пальто посмотрел на кожанку, потом на Дрона.

– Для начала – чтобы вы вообще ушли спокойно.

Репа тихо сказал:

– Давайте просто решим и поедem. Нам ещё машину покупать.

Кожанка резко посмотрел на него:

– Машину покупать? – усмехнулся. – Вы с деньгами, что ли?

Фунт сделал микрошаг назад. Не трусость – расчёт.

– У нас свои дела, – сказал Дрон. – Деньги вас не касаются.

Кожанка поднял ладонь, как будто успокаивал:

– Да никто вас не трогает. Просто... уважение надо.

Из боковой двери сервиса вышел ещё один молодой и что-то шепнул кожанке. Тот кивнул и принял решение быстро – как человек, который привык, что его слушают.

– Короче, – сказал кожанка. – Вы щас идёте на заправку, там постоите. А мы тут решим, что с вашей тачкой делать.

– Мы никуда не пойдём, – сказал Дрон жёстко.

Кожанка улыбнулся, но глаза стали пустыми:

– Пойдёте.

Пальто сделал шаг ближе и тихо, почти по-дружески:

– Парни, не усложняйте. Пойдите на заправку. Вам оно надо?

Дрон почувствовал холод внутри – не от погоды. От понимания, что здесь прав не тот, у кого документы, а тот, у кого люди.

Он сглотнул и кивнул своим.

– Пойдём.

Бес дёрнулся, но Фунт удержал его за локоть. Репа пошёл первым – быстро, будто хотел уйти от ворот как можно дальше.

Они перешли дорогу к заправке. Солнце уже било в затылок, и от бензоколонки тянуло тяжёлым запахом топлива. Витрина – дешёвые батончики, жвачка, “Юппи”. Несколько машин у колонок, водитель в спортивном костюме, мальчишка с тряпкой.

Фунт сел на бетонный бордюр и посмотрел на Дрона.

– Мы попали, – сказал он.

Бес сплюнул в пыль:

– Надо было сразу биты доставать.

Репа смотрел на дорогу.

– Дрон... если они полезут в сумку...

Дрон не ответил. Он тоже думал о сумке. О том, что деньги – не просто деньги. Это их билет. Их шанс. Их общий смысл.

И самое плохое было то, что он уже чувствовал: “старшие” не собираются ограничиваться тем, чтобы просто показать, кто тут главный.

Они решали, сколько с них снять.

Глава 3. Заправка

На заправке время тянулось медленно, как прогретая резина.

Дрон стоял в тени навеса и смотрел через дорогу на отель и ворота автосервиса. С этой точки всё выглядело почти мирно: двухэтажное здание, пару машин у входа, ворота сервиса. Но он уже знал – мирное тут только фасад. В 90-е многие места выглядели как “придорожный сервис”, а работали как узел влияния.

Бес ходил кругами. То доставал сигарету, то гасил, не докурив. Его раздражало всё: жара, ожидание, то, что их сдвинули с места как мебель.

Фунт сидел на бордюре, расстегнув куртку, и держал деньги ближе к телу – не на виду, но так, чтобы в любой момент проверить. Он думал о сумме и о том, что сумма – это их личный договор: каждый вложил, каждый верил.

Репа молчал и смотрел на людей. Он считал взгляды и движения – так, как другие считают сдачу.

– Они не вернут просто так, – сказал Фунт, не глядя на Дрона. – Поставят ценник.

– Поставить могут, – ответил Дрон. – Вопрос – какой.

Бес остановился:

– Чё какой? Забираем тачку и едем. Если полезут – я...

– Ты ничего не “я”, – оборвал Дрон. – Тут не Москва.

Репа кивнул в сторону витрины. У входа в магазинчик при заправке стоял худой парень в грязной майке и смотрел на четверых слишком часто.

– Этот нас пасёт, – тихо сказал Репа.

Дрон встретился с ним взглядом. Парень тут же отвёл глаза.

– Тут все всех пасут, – коротко сказал Дрон.

Тишина сломалась звуком моторов. С трассы, с южной стороны, шла группа машин – не “поток”, а связка, собранная специально. По тому, как они держали скорость и дистанцию, было понятно: едут не по делам, а решать.

Первым вкатился “шестисотый” Mercedes – W140, тяжёлый, чёрный, как чужая уверенность. За ним – чёрный Grand Cherokee, наглухо тонированный. Третьей – спортивная японка, низкая, с резким звуком и быстрой посадкой, будто её сделали не для города, а для побега.

Они влетели на площадку так, будто это их место по праву.

Одна машина остановилась у кассы, другая перекрыла выезд, третья встала чуть в стороне – для обзора. Двери открылись. Вышли мужчины постарше, уже не пацаны. Двигались спокойно, без суеты – так ходят люди, которые привыкли, что за ними стоит сила, даже если её не видно.

Один из них посмотрел на четверых москвичей, оценил и отвернулся, будто они не интересны.

– Не на нас приехали, – сказал Фунт, не поднимая голоса. – Это разбор.

Дрон не спорил. Он видел главное: эти приехали за своим.

Со стороны отеля и сервиса тоже началось движение. Ворота приоткрылись, выехала тонированная “девятка”, за ней – ещё одна машина. Появились те самые “старшие” – кожанка и пальто. Они быстро пересекли дорогу и подошли к площадке заправки.

Расстояние между двумя группами было метров двадцать. В обычной жизни – ничего. В 90-е – дистанция, на которой решается, кто тут хозяин.

Первые секунды даже не говорили. Просто смотрели.

Дрон почувствовал сухость во рту и металлический привкус – не от страха, от понимания: сейчас будут решать не их машину. Их просто сметёт вместе с пылью, если они не уйдут.

– Нам надо валить, – сказал Репа почти шёпотом.

– Без тачки? – огрызнулся Бес.

Фунт посмотрел на Дрона:

– Если сейчас начнётся, наша “девяносто девятая” – вообще не главная проблема.

Дрон не успел ответить.

Сначала прозвучал хлопок. Не сразу понимаешь, что это выстрел, потому что мозг цепляется за любой вариант, где ты не в опасности. Потом второй. Потом сразу несколько.

Люди на заправке рухнули вниз. Кто-то метнулся за колонку. Кто-то – в магазинчик. Мальчишка с тряпкой исчез за дверью так быстро, будто его втянуло внутрь.

Дрон дёрнул Фунта к бетонной стенке у края навеса.

– Ложись!

Бес уже сидел за колонкой, прижавшись, и по его лицу было видно: ему страшно, но страх у него быстро превращается в злость.

Репа распластался на земле, будто хотел исчезнуть.

Стрельба шла коротко, сухо. Пахло бензином и порохом. Где-то звякнул металл – пуля ударила по чему-то рядом.

И тут один из работников заправки – тот самый худой парень – сорвался и побежал через дорогу к отелю. Бежал низко, пригнувшись, как будто мог спрятаться в собственной тени.

– Куда он? – выдохнул Репа.

– К своим, – ответил Дрон.

Это и было тем поворотом, который тащит огонь через улицу. Один из людей “крутых” заметил бегущего и сместился в его сторону, прикрываясь машиной. Перестрелка поползла ближе к отелю и воротам сервиса.

В этот момент Дрон увидел: у Grand Cherokee багажник был приоткрыт. Не широко – просто крышка не захлопнулась до конца. Из щели торчали тряпки и стекло.

– Видишь? – шепнул он Фунту.

Фунт прищурился.

– Багажник...

Дрон короткими рывками сместился к джипу, используя машины как укрытие. Репа полз за ними, Бес – с другой стороны, держась ниже.

У джипа никого не было – все ушли ближе к отелю. Дрон аккуратно поднял крышку сантиметров на десять. Запах бензина ударил в нос.

Внутри лежали бутылки – стеклянные, в тряпке и бумаге, с намотанными лоскутами на горлышке. Заготовленные, как инструмент.

Фунт замер.

– Это для поджога, – сказал Дрон.

Репа побледнел:

– Не надо. Мы вообще сюда за машиной приехали...

Бес сунулся ближе, и глаза у него стали другими – не весёлыми, не дерзкими. Голодными.

– Вот это нормально, – сказал он. – Теперь разговор будет понятный.

Дрон поймал его взгляд:

– Спокойно. Берём по минимуму. Не в людей. Только по строениям. Дым – и уход.

Фунт кивнул. Он уже понимал, что происходит, и понимал ещё хуже, чем Дрон: всё это потом будет аукаться.

Бес всё равно взял лишнюю – быстро, будто крал у самого времени.

Они отползли назад к навесу. Огонь поджигали коротко, без театра: зажигалка, вспышка, тряпка берёт пламя. Дрон бросил первую – в сторону ворот сервиса. Стекло лопнуло о металл, и огонь разлился по пыльному бетону.

Бес бросил дальше – в сторону стены сервиса, будто целился не в здание, а в своё утреннее унижение.

Фунт кинул ещё одну – ниже, осторожнее, чтобы не перелетело и не ушло неизвестно куда.

Репа не бросал. Он смотрел на огонь и понимал, что теперь это не “ситуация”, а событие, за которое потом спросят.

Стрельба на секунду сбилась. Кто-то крикнул уже другим голосом – “горит”. Люди начали менять позиции, оглядываться.

– Уходим! – сказал Дрон.

И они рванули в сторону, где меньше открытого пространства, пользуясь тем, что внимание на миг ушло к пламени.

Дрон ещё не знал, что Бес на этом не остановится и что впереди будет момент, когда “младшие” струхнут и начнут умолять. Но он уже понял: граница пройдена.

Теперь они – не просто пацаны, у которых пытались отжать машину.

Теперь они – часть разборки.

Глава 4. Огонь ближе

После первых бутылок всё вокруг стало неестественно быстрым.

Огонь у ворот автосервиса вспыхнул не как большой пожар – как резкое предупреждение. Пламя сначала лизало бетон и железо, потом схватило тряпки и мусор у стены. Дым поднялся сразу, густой, чёрный, и на фоне летнего солнца выглядел чужим – как будто кто-то нарисовал пятно на чистом небе.

Стрельба на секунду сбилась. Это был не страх – это была перестройка. Люди “крутых” и люди местных одновременно поняли: ситуация изменилась. Теперь нужно держать не только противника, но и огонь.

– Назад! – крикнул кто-то от сервиса. – Воды!..

С заправки кто-то рванул к колонкам, но тут же прижался к земле: запах бензина в воздухе стал особенно неприятным, как напоминание, что в этом месте нет права на ошибку.

Дрон тащил своих вдоль машин, держась ниже. Он видел только фрагменты: чьи-то ноги, рывки, открытые двери, вспышки в тени. Звуки были сухими – выстрел, звон металла, короткая ругань, визг резины. Без киношной непрерывности. Как работа по сменам.

Бес шёл рядом и дышал быстро, будто ему не хватало воздуха, хотя воздух был везде – горячий, бензиновый, горький. В нём сидел кураж, и Дрон чувствовал это спиной. Кураж опаснее страха: страх заставляет прятаться, кураж заставляет лезть.

– Ещё есть? – спросил Бес, не глядя, будто они говорили не про бутылки, а про сигареты.

Фунт покосился на него:

– Ты с ума сошёл?

– Да что ты, – Бес усмехнулся. – Мы уже начали.

Репа, прижавшись к земле, сдавленно сказал:

– Дрон... давай просто уйдём. Пока живые.

Дрон хотел ответить “уйдём”. Но уходить было некуда: их “девяносто девятая” стояла за воротами, а сами ворота – под контролем местных. И если они сейчас просто побегут по трассе – их запомнят, догонят или сдадут первому посту.

Они добрались до края площадки, ближе к забору, где росли кусты и сухая трава. Оттуда просматривались ворота сервиса и часть двора. Там, у стены, мелькали те самые молодые местные – “младшие”. Те, что утром держались нагло, а сейчас двигались рвано, суетливо, как люди, которые внезапно понимают, что играют не на своём уровне.

Один из них – в кепке – буквально на секунду высунулся из-за угла и тут же спрятался обратно, как только рядом ударила очередь.

– Вот они, – сказал Бес с хриплой радостью. – Наши.

– Не “наши”, – резко сказал Дрон. – Не путай.

Но Бес уже смотрел не на Дрона. Он смотрел на сервис и отель, где утром их “решали”. В его голове это складывалось в простую схему: унижение – ответ. И ответ сейчас можно сделать громким.

Фунт держался ближе к Дрону, и Дрон видел: Фунт не геройствует, но и не паникует. Он просто понимает цену каждого следующего шага. Репа же был уже почти на грани – не истерика, а холодная внутренняя пустота, когда организм готовится к худшему.

Со стороны отеля раздался крик – кто-то из местных старших что-то орал “младшим”, пытаюсь их собрать, как собак, которых отпустили без поводка. В ответ – ещё несколько выстрелов. Кто-то из “крутых” работал по окнам и углам, не поднимаясь в полный рост.

А потом произошло то, чего Дрон ждал и одновременно не хотел.

Из тени сервиса выбежали двое “младших” – те самые, молодые. Они бежали не в сторону своих старших, а в сторону заправки, к Дрону и его ребятам, пригибаясь, почти падая. В руках у одного была сумка – не их деньги, что-то другое, но по тому, как он её держал, было видно: важное.

Они остановились метрах в десяти, подняли руки – не театрально, а как люди, которые реально боятся получить пулю с любой стороны.

– Эй! Москали! – крикнул один, и голос у него сорвался. – Стойте!..

Дрон поднялся на колени, чтобы видеть их лучше.

– Чего? – коротко спросил он.

Оба смотрели на огонь у ворот, на перестрелку, на то, как их старших “щемят”, и в глазах у них было простое и очень ясное: они струхнули. Не за деньги – за себя. За то, что их сейчас просто спишут, а виноватых назначат первыми.

– Мы... – начал один и запнулся, будто слова застревали в горле. – Мы не хотели... Утром... это...

Второй резко вытянул сумку вперёд, как подношение:

– Вот! Деньги ваши! Заберите! Только... только вы нас... не наказывайте.

Дрон сделал вдох. Ситуация была настолько абсурдной, что в нормальной жизни показалась бы плохой шуткой. Но 90-е любили именно такие сцены: когда вчерашний наглый “хозяин” сегодня держит руки вверх и просит пощады у тех, кого унижал.

Фунт подполз ближе, осторожно.

– Это наши? – тихо спросил он.

Дрон не ответил. Он смотрел на ребят и видел, что они действительно перепуганы. Не играют. Не торгуются. Просто пытаются выжить и снять с себя часть вины, пока огонь не дошёл до их кожи.

Бес поднялся во весь рост. На секунду – слишком высоко для места, где стреляют. Но по нему не попали: всем было не до него. И в этом “не до него” было ещё больше опасности – значит, сейчас могут ударить куда угодно.

Бес шагнул вперёд, на пару метров.

– Не наказывать? – переспросил он и усмехнулся. – А вы нас утром как? По-дружески?

Младшие закивали – быстро, сбивчиво, как люди, которым всё равно, что говорить, лишь бы их не тронули.

– Нас заставили... мы не хотели... старшие... – один из них говорил и одновременно оглядывался, боясь, что его услышат свои.

Бес наклонился чуть вперёд и резко сказал, почти выплюнул:

– Вы наказали уже себя сами!

Фраза прозвучала не как милость и не как мораль – как холодное презрение. Младшие замерли, не понимая, что им делать дальше и можно ли вообще двигаться.

Дрон резко шагнул к Бесу и схватил его за плечо.

– Бес, хватит. Деньги забрали – и ушли.

Но Бес дёрнул плечом, высвобождаясь.

– Ушли? – он почти засмеялся. – Мы тут чуть не сдохли, Дрон.

Фунт уже забрал сумку, быстро, привычно. Проверил – руками, на ощупь, без пересчёта. Свёрток был на месте. Их деньги вернулись в их руки – и это должно было стать точкой, где они уходят.

Репа схватил Дрона за рукав.

– Дрон, пожалуйста... пошли. Пока не поздно.

Дрон кивнул. Он сам хотел уйти. Он уже думал, куда: к трассе, в посадку, в любую сторону, где можно раствориться. Он понимал: дальше будет только хуже.

Но Бес уже снова смотрел на сервис.

Он увидел, что у Grand Cherokee багажник всё ещё приоткрыт, и внутри ещё остались бутылки. Он увидел, что огонь у ворот не такой большой, как хотелось бы ему сейчас. Он увидел “свою справедливость” и захотел сделать её громче.

– Слышали? – снова крикнул он младшим. – Сейчас получите так, что всю жизнь помнить будете!

И, не дожидаясь ответа, он рванул обратно к джипу.

– Бес! – крикнул Дрон, но Бес уже ушёл в рывок.

Фунт и Репа переглянулись. На лице Фунта было раздражение – не моральное, а практическое: каждый лишний шаг увеличивает цену выхода. На лице Репы – почти отчаяние.

Дрон побежал за Бесом. Не потому что хотел жечь. Потому что понимал: если оставить Беса одного с этим багажником и этой яростью – он сделает то, что потом не отменить.

У джипа Бес уже держал две бутылки. Поджигал быстро, без пауз, как будто делал это сто раз. Огонь схватывал тряпку мгновенно.

– Ты понимаешь, что ты творишь? – выдохнул Дрон.

Бес посмотрел на него, и в этом взгляде не было ответа. Там было только “поздно”.

Он бросил первую – в сторону ворот. Вторая полетела выше – в сторону стены и навеса сервиса. Стекло разлетелось, пламя разлилось шире. Дым стал плотнее.

Со стороны сервиса кто-то заорал – уже не командой, а болью от потери контроля:

– Да вы охренели!

Младшие, которые секунду назад умоляли, теперь отшатнулись, как от огня. Они окончательно поняли, что старшие потом спросят с них тоже – кто привёл “москвичей”, кто допустил, кто подлил бензина.

– Мы вам деньги отдали! – крикнул один, почти плача. – Мы же...

Бес снова крикнул, перекрывая выстрелы и треск огня:

– Вот и бегите! Пока живые!

И в этом было самое неприятное: он говорил не как человек, который хочет убить. Он говорил как человек, которому всё равно. Как будто они – статисты в его разогретом кино.

Дрон схватил Беса за рукав и рванул назад.

– Всё! Хватит! Уходим!

Фунт, прижав деньги к себе, уже был готов к рывку. Репа дрожал, но держался.

И именно в этот момент, когда они начали отходить от джипа, Дрон заметил: у “шестисотого” водительская дверь распахнута, но рядом никого. Люди “крутых” сместились к отелю, а машины остались как железные укрытия.

И ещё он заметил другое: у Grand Cherokee ключи могли быть внутри. В разборках такие вещи происходят просто потому, что у тех, кто стреляет, нет времени думать о ключах.

Дрон резко остановился, будто упёрся в невидимую стену.

– Что? – спросил Фунт.

Дрон посмотрел на своих. На Беса – ещё горячего. На Репу – на грани. На Фунта – собранного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.